

# Александр СМЫШЛЯЕВ

## ЖЕЛЕЗНАЯ ГОРНАЯ ШОРИЯ

История открытия, разведки и освоения  
железородных месторождений Горной Шории

### ГЛАВА 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Начало горнозаводскому делу в Сибири положила потребность России в меди, серебре и золоте. А уж когда Пётр Первый создал Рудный приказ и в 1700 году дозволил всякому отыскивать эти металлы, строить заводы и «делать товар на государя», то не только вольные мужики, но и уральские крепостные бергалы (горные рабочие) побежали в Сибирь искать свободы и форта. Именно беглые бергалы Степан Костылев и его сын Яков в 1723 году дошли до Алтая и наткнулись на медную руду на месте древних Чудских копей в Змеиной горе. Образцы руды они прислали своему бывшему хозяину Акинфию Демидову, который тут же снарядил в Змеиногорский уезд Алтайского округа геологическую экспедицию во главе со штейгером (горным мастером) Ф. Е. Лелесновым. Специалисты подтвердили наличие месторождения меди, которое содержало в рудах и большое количество золота и серебра, после чего, в 1726 году, Демидов построил на Алтае медеплавильный Колывано-Воскресенский завод.

А немногим ранее, в 1721 году, рудознатец Михайло Волков нашёл уголь в Горелой горе на реке Томь, в семи верстах от Верхотомского острога (на месте современного города Кемерово). Образцы, взятые Волковым, были отправлены в Берг-коллегию в Санкт-Петербурге, члены которой проявили большой интерес к кузнецкому углю, дав ему высокую оценку.

В том же году немец Даниил Готлиб Мессершмидт, доктор медицины на русской службе, тоже пришёл в Кузнецы, как называли тогда земли в верховьях реки Томь с её притоками Кондомой, Мрас-Су и Бель-Су, чтобы изучать биологию и этнографию. «Мы узнали от одного шведа по имени Александр, что за Кузнецком, вверх по

реке, живут татары разбросанно, по 2–3 юрты, – писал Мессершмидт в своём дневнике 6 мая 1721 года. – Они язычники и ничего другого, кроме ячменя, не едят. У них нет для пашни ни лошади, ни плуга. Всю работу выполняют вручную, с помощью особого железного крюка, спереди сделанного широким...»

Татарами (или кузнецкими татарами) Д. Г. Мессершмидт называл шорцев. Узнал он этот термин, конечно же, от местных русских, которые пришли в Кузнецы ещё в 1608 году для сбора ясака, в 1615 году основали острог в районе нынешнего Абагура и селение Ягуново, а в 1618 году поставили Кузнецкий острог. С тех пор русские люди жили здесь постоянно, неся сторожевую службу и занимаясь в основном охотой и хлебопашеством. Татары заинтересовали Мессершмидта ещё и тем, что, по рассказам, умели выплавлять из руды железо. Но, похоже, татарских кузнецов Мессершмидт так и не встретил, хотя поднялся вверх по Томи и добрался до Минусинской котловины. По пути он отметил «огнедышащую гору» на правом берегу Томи, напротив нынешнего села Атаманово, и отобрал образцы горных пород. После своего семилетнего путешествия по Сибири он привёз в Петербург целую коллекцию пород и минералов, и М. В. Ломоносов, разбирая её, определил, что «огнедышащая гора» на берегу Томи – это горящий угольный пласт, выходящий на поверхность.

Воочию наблюдать работу шорских рудознатцев и плавильщиков довелось другому немецкому учёному на русской службе, участнику Второй Камчатской экспедиции Иоганну Георгу Гмелину. Вместе со своим соотечественником историком Герардом Фридрихом Миллером он руководил академическим отрядом экспедиции, который прошёл через Сибирь к Охотскому морю. Побывали учёные и в Кузнецкой земле.

На Гмелина было возложено естественнонаучное изучение территорий, по которым шёл маршрут. Поднялся Гмелин и вверх по реке Кондоме до устья её притока реки Мундыбаш, а затем по Мундыбашу добрался до выходов магнитного железняка, который добывали и переплавляли шорцы (кузнецкие татары). Они добывали и плавил руду на месте нынешней деревни Сухаринки, недалеко от горы Темиртау (Железная гора – тюрк.). Гмелин достаточно подробно описал процесс плавки железа.

Исследователи того времени считали, что «в Томской вершине живут 200 человек кузнецов»,

другие называли большее количество: «тысячи с три, и все те кузнечные люди горазды делать всякое кузнечное дело». Сколько бы их ни было, но потребность в железных изделиях со стороны соседних кыргызов, телеутов, джунгаров не могла не привести отдельные семьи шорцев к этому промыслу, тем более что выходы окисленной руды лежали под ногами. Производство железных изделий становилось для многих шорцев главным занятием. Излишки (оружие, конскую упряжь, орудия труда, утварь) они отдавали в ясак, обменивали у кочевников и местных жителей на скот и ячмень.

В 1721–1730 годах в Западной Сибири работал военный отряд геодезиста Петра Чичагова. Съёмкой был затронут и бассейн реки Томи. По результатам работ была составлена в том числе и Ландкарта Кузнецкого уезда.

В 1744 года Алтайские и Кузнецкие земли по приказу императрицы Елизаветы Петровны перешли из частных рук в ведение Кабинета Её Императорского Величества, был создан огромный по территории Колывано-Воскресенский горный округ. Минералог Василий Чулков, прознавший о месторождении железной руды на левом берегу реки Томь-Чумыш, предложил построить там железодельный завод, который и был воздвигнут в 1771 году и получил название Томского завода. Он стал первым горнозаводским объектом на Кузнецкой земле.

Завод располагался в глухой Салаирской тайге, в 50 километрах к западу от Кузнецка, на территории нынешнего Прокопьевского района. Руду для него брали не только на месте, но и везли на телегах из горношорской тайги. Первым горношорским рудником были так называемые Сухаринские копи, где руду добывали местные промышленники из крестьян: Муратов, Бессонов и Хабаров. Добыча велась открытым и подземным способами. Для этого были пройдены вертикальная шахта, две штольни и два этажа штреков. В начале 1790-х годов в Горной Шории добывалось ежегодно до 27 тысяч пудов железных руд, из них до 12 тысяч пудов – с Шолбанских копей и до 15 тысяч – с Сухаринских.

Шолбанские (Учуленские) руды были открыты в 1750 году во время поисковых работ в окрестностях Сухаринских рудных залежей. В 1785 году они были окончательно исследованы и рекомендованы к эксплуатации для нужд Томского завода. В 1786 году бергешворен (горный управитель) Линденталь проехал на лошадях по

рекам Мундыбаш, Сухаринка, Учулен и Тельбес. Им были открыты железные руды Тельбеса.

Корпуса Томского завода были деревянными, горны сложены из кирпича. Выпускались чугуны и сталь. Плавка велась на древесном угле. Засыпщики, задыхаясь от газов, вручную загружали в печь руду, уголь, флюсы. Четыре раза в сутки чугун выпускали из печи, и он шёл по дорожкам, сделанным в земляном полу, застывая в песчаных формах. Железо производилось в особые кричных горнах.

К концу XVIII века Россия превратилась в одну из ведущих горнодобывающих держав мира. Она была обеспечена почти всеми видами минерального сырья, необходимыми для развития промышленности. Крупные горнодобывающие и металлургические центры сложились в европейской части страны и на Урале, закладывались на юге Сибири и в Забайкалье. Если в начале века производилось ежегодно до 16 тысяч тонн чугуна, 5 тысяч тонн меди, 2,2 тысячи тонн серебра, 3,2 тысячи тонн пищевой соли, то к концу века только Урал давал около 120 тысяч тонн чёрного металла, а по всей России было выплавлено 180 тысяч тонн чугуна. В широких масштабах началась добыча каменного и бурого угля, торфа.

С открытием богатых салаирских серебряных руд был построен Гавриловский завод (назван в честь начальника алтайских заводов Гаврилы Качки), пущенный в эксплуатацию в 1795 году. В 1816 году на реке Бачат возвели ещё один сереброплавильный завод для руд Салаира – Гурьевский (назван в честь святого мученика Гурия). Но вскоре этот завод сменил специализацию и превратился в железодельный, так как неподалёку находились два месторождения железных руд – Ариничевское и Юрманское. Именно на Гурьевском заводе впервые применили для плавки железной руды кузнецкий каменный уголь.

В 1834 году горный инженер Лука Александрович Соколовский описал месторождения каменного угля в окрестностях Салаирского рудника. Он определил площадь «каменноугольной области» в 40 тысяч квадратных вёрст, отметил мощность угольных пластов, богатые месторождения железных руд в Шории и судоходную реку Томь как удобный путь сбыта продукции. Публикация Соколовского в «Горном журнале» в 1842 году привлекла внимание учёных. Под впечатлением от статьи в том же году

чиновник по особым поручениям при Корпусе горных инженеров России Пётр Александрович Чихачёв срочно выехал из Петербурга в Кузнецк, где обследовал обширную территорию края и открыл Кузнецкий угольный бассейн, который буквально поразил его мощными угленосными отложениями между хребтом Алатау и реками Томь, Кондома, Мрас-Су и Уса. Своим названием Кузнецкий бассейн обязан именно Чихачёву.

Ещё до Соколовского, в 1830 году, шихтмейстер Сухаринских копей (помощник заводского управителя) Нечкин на реке Мундыбаш (Мандыбаш, как тогда произносилось и писалось), недалеко от Сухаринки, нашёл ещё один выход окисленной красно-бурой железной руды в глине. На месте находки начал работать Нечкинский прииск (нынешняя Кедровка), руда которого также увозилась на Томский завод.

В 1861 году в России отменили крепостное право, что позволило крестьянам, а также приписным заводским рабочим – бергалам – менять место жительства. Бергалы массово покидали рудники и заводы. Нехватка рабочей силы, а также устаревшее оборудование привели к закрытию Томского железоделательного завода (1864 г.), Салаирских рудников и Гавриловского сереброплавильного завода (1897 г.). В чёрной металлургии Сибири остался лишь Гурьевский завод, монопольное положение которого позволило ему не только выжить, но и нарастить объёмы производства в три раза.

В 1861 году была разрешена частная добыча золота на кабинетских землях. В 1863 году в Алтайском горном округе уже было 53 частных прииска с численностью рабочих в 2 500 человек, в Мариинском округе – 71 частный прииск с 1 500 рабочими. В 1890 году алтайские частные прииски дали 98 пудов золота, Мариинские – 33 пуда. Наиболее знаменитыми золотопромышленниками были купцы Асташевы, Мальцевы, Поповы, Кузнецовы.

В 1880 году на землях Кабинета образовались две крупные частные компании: «Алтайское золотопромышленное дело» В. И. Асташева и К<sup>о</sup> и «Южноалтайское золотопромышленное дело» С. И. Мальцева и К<sup>о</sup>, расположенные в Горной Шории (пос. Спасск). В 1889 году Асташеву принадлежало на праве частной аренды 17 приисков с ежегодной добычей 15 пудов золота, Мальцеву – 9 приисков, дававших ежегодно 40 пудов золота. Более 50 процентов золота, до-

бываемого частными компаниями, приходилось на их долю. Весь добытый металл полагалось сдавать по твёрдой цене в казённые золотосплавочные лаборатории.

В 1894 году при Кабинете Его Императорского Величества была организована специальная Геологическая часть, занявшаяся геологическим изучением алтайских и кузнецких земель. Съёмку земель Кабинета вели опытные геологи и видные учёные: Александр Александрович Иностранцев – профессор Петербургского минералогического общества и Петербургского общества естествоиспытателей, Борис Константинович Поленов – профессор Казанского и Пермского университетов, Герман Германович Петц – сотрудник Геологической части Кабинета, Иннокентий Павлович Толмачёв, Павел Николаевич Венюков – профессор Казанского, а затем Киевского университетов. В начале XX века в Кузбассе проводили научные изыскания Михаил Антонович Усов и Павел Павлович Гудков – профессора Томского технологического института, Владимир Афанасьевич Обручев – знаменитый исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии.

Именно в это время, в 1890-е годы, были открыты все важнейшие железорудные месторождения Горной Шории. Далее мы расскажем об истории открытия, изучения и эксплуатации горношорских железных рудников.

## ГЛАВА 2. В ТАЁЖНЫХ ДЕБРЯХ ГОРНОЙ ШОРИИ

### 1

Там, где реки Мундыбаш и Тельбес впадают в Кондому, начинается Горная Шория, таёжные массивы которой тянутся на юг до Бийской гривы – северной оконечности Горного Алтая. И до сегодняшнего дня места эти остаются труднопроходимыми. Лишь узкие ленты железной дороги да асфальтированная автотрасса, соединяющие Шорию с Кузбассом (Таштагол с Новокузнецком), позволяют проникнуть в этот удивительный по красоте уголок Земли. Но как только отойдёшь в сторону – сразу оказываешься в настоящих таёжных дебрях, в которых преобладают пихты, кедры, березняки и осинники. Рельеф среднегорный, мягкий, волнистый, с бесконечными увалами, называемыми здесь гривами, узкими долинами горных рек. Лишь далеко на юге, под Таштаголом, высятся гольцы Мустага – доминирующей вершины Горной Шории.

Если в наше время тайга остаётся труднопроходимой, то что уж говорить о прошлых веках, когда русский человек только начинал проникать в шорские дебри. Первыми пришли сюда казаки. Вскоре они основали свою станицу Калтан. За ними пошли священники. Опорным пунктом для православных миссионеров стал улус татарина (шорца) Куздея, по имени которого миссионерский стан называли Куздеевским. Он удобно располагался на берегу Кондомы. Отсюда можно было легко добраться до Калтана и Кузнецка, а также подниматься по Кондоме в шорские пределы.

Крестить кузнецких татар начали в 1831 году, тогда же их стали называть шорцами – по имени рода шор, жившего в пределах Куздеева.

Проникали в глубины шорской тайги и беглые крестьяне, и бергалы, создавали свои заимки и зимовья. Селились семьями староверы. И, конечно, шли исследовательские экспедиции, в том числе геологические. С открытием железа и золота начали строиться небольшие промыслы и прииски в Сухаринке, Кедровке, на речках Петропавловке и Фёдоровке. В 1845 году открылся прииск в Спаске. Кузнецкие и горношорские промыслы снабжали железной рудой Томский и Гурьевский железодобывающие заводы. Но к концу века сырья для заводов Кабинета стало не хватать. Для поисков и разведки рудных залежей в 1893 году было создано Акционерное общество Восточно-Сибирских чугуноплавильных, железодобывающих и механических заводов. Именно это общество и исследовало на первоначальном этапе горношорские месторождения железных руд.

Сразу же после создания, в 1893 году, Общество Восточно-Сибирских заводов направило в Тельбес разведочную партию под руководством горного инженера Андрея Антоновича Крупского (1854–1895), первооткрывателя салаирского золота, родственника будущей жены В. И. Ленина – Н. К. Крупской.

## 2

Партия А. А. Крупского прибыла на реку Тельбес в начале лета 1893 года. Полевой лагерь разбили на правом берегу реки у подножия Тельбесской горы, где и сосредоточили основные исследовательские работы. Сам Андрей Антонович Крупский занялся непосредственно Тельбесским месторождением, а его коллега и товарищ (привлекающийся к работам в летние

периоды) горный инженер Василий Андреевич Буштедт начал поэтапно исследовать территории, прилегающие к Тельбесу.

Восемь долгих лет понадобилось геологам «Общества Восточно-Сибирских заводов», чтобы провести предварительную разведку Тельбесского железорудного месторождения. За это время здесь было пройдено 36 шурфов, 3 шахты – «Семейная», «Первая» и «Вторая», несколько штолен.

В первый же год работы партии, то есть в 1893 году, геолог В. А. Буштедт открыл Одрабашское рудопроявление, находящееся неподалёку от Тельбесского месторождения, на левом берегу реки Тельбес. О месторождении знали ещё с середины XIX века, но оно не было нанесено на карту, поэтому пришлось предпринять детальное опосредованное исследование местности.

К концу лета Буштедт предпринял большой поисковый маршрут по реке Тельбес и её притокам. В районе ручья Каз им были обнаружены признаки железной руды, которые, однако, остались неизученными. Специалисты вернулись туда в 1895 году и подтвердили наличие железной руды.

В 1897 году Василий Андреевич Буштедт перешёл через гору Большой хребет (Улуг-Даг) и в верховьях ручья Полгашты (местными жителями ныне зовётся Золотушкой) открыл ещё одно рудопроявление железа. Кроме того, он осмотрел известное с 1830-х годов Учунское железорудное проявление, которое также внёс в реестр перспективных объектов. Но самое большое открытие ожидало его на склонах горы Темиртау, где он обнаружил выходы богатой железной руды.

Кто он, горный инженер Василий Андреевич Буштедт, первооткрыватель железных руд Одрабаша, Темиртау и Каза?

Родился он в большой немецкой семье провизора на Алтае в 1854 году. В 1882 году окончил Петербургский горный институт и вернулся на Алтай, где состоял при Горно-геологическом управлении Алтайского горного округа, затем перешёл в Горное управление Кабинета Его Императорского Величества (1885), был управляющим Сузунским серебро- и медеплавильным заводом (1888–1901). В 1892 году открыл железную руду (бурый железняк) на Салаире. В 1893 году получил звание надворного советника. Год смерти неизвестен.

Его два брата Виктор Андреевич и Илья Андреевич также были горными инженерами. Все

служили на Алтае. Старший брат Виктор Андреевич Буштетт дослужился до начальника Алтайского горного округа (1918 г.).

В 1898 году Василий Андреевич Буштетт с группой горнорабочих вновь пришёл с Тельбеса на гору Темиртау, чтобы провести предварительную разведку открытого им рудопоявления. На 11 разведочных линиях партия прошла большое количество мелких раскопов, 26 шурфов и небольшую шахту «Владимир» глубиной 6,1 сажени. В шурфах были встречены бурые и магнитные железняки.

На Одрабашском месторождении проводил работы сам инженер А. А. Крупский. В 1893 году им было пройдено четыре шурфа, которые вскрыли лишь бедную руду. В 1894 году работы сосредоточили в северо-восточной части месторождения. В глубоком шурфе встретили залежь магнетита. Из забоя шурфа были пробурены две алмазные скважины. Обе прошли по магнитному железняку и так и не вышли из рудной залежи.

В 1898 году на Одра-Баше прошли шахту «Мария», заданную несколько в стороне от рудного тела. Шахта вскрыла сплошную вмещающую породу с включениями магнитного и бурого железняка.

В 1900 году Общество Восточно-Сибирских заводов было ликвидировано, геологические исследования в Горной Шории остановлены. Но результаты работ впечатляли. Разведка подтвердила наличие запасов магнитных железных руд почти в 200 миллионов пудов (около 3,2 млн т). С их находкой на повестку дня вставал вопрос о необходимости использования этих богатых руд и строительства в данном районе металлургического завода. Проведение Сибирской железной магистрали заставило кабинетское ведомство поставить вопрос о необходимости развития собственной каменноугольной промышленности в крупных масштабах. И Кабинет продолжал поисковые работы. По мнению учёных и геологов-практиков, уникальное сочетание залежей железных руд с такими же большими запасами каменного угля и дешёвым строительным лесом, огромные месторождения белой огнеупорной глины, создавали все условия для возведения в Кузнецком регионе крупнейшего завода чёрной металлургии.

### 3

Возобновились работы лишь в 1911 году, но их проводили не отечественные промышленники, а французский подданный Шнейдер – владелец орудийных заводов, которому требовалась железная руда. По договору с российским правительством он в счёт собственных инвестиций получил разрешение на разведку Тельбесского и Темиртауского месторождений.

Французы, убедившись в том, что транспортировка руды из Горной Шории будет весьма затратной, собственно исследовательские работы провели в минимальных объёмах. Зато своими работами они вызвали ревность у русских горнопромышленников, а потому уже в 1913 году Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов (Копикуз) наняло геолога, преподавателя Томского политехнического института Павла Павловича Гудкова для составления проекта геологоразведочных работ в Кузнецком крае, в том числе Горной Шории. Выбор кандидатуры П. П. Гудкова для такой ответственной работы не был случайным. Его знали в Кузнецком крае как прекрасного геолога, полевика и учёного, первооткрывателя и исследователя многих золотых россыпей в районе Мариинска, Берикюля и Ачинска. Золотые прииски «Богом дарованный» на реке Кие и «8-я Берикюльская площадка» полностью были



Братья Буштетт

разведаны им. Теперь предстояло заняться рудным железом. И он с головой окунулся в новую для себя тему.

Гудков опирался на данные горных инженеров Крупского и Бушtedта. Им рассматривались два перспективных в отношении железных руд района, исследованные указанными геологами: западная, бачатская часть Кузнецкой земли с рудами, представленными сидеритом и сферосидеритом (у деревень Красноярской, Бачатской, Бояровской и др.), и Тельбесский район с магнетитовыми рудами.

В программе работ на 1914 год П. П. Гудков писал:

«Инженер Бушtedт высказывается о месторождениях сидерита как о не заслуживающих внимания, а инженер Крупский, категорически отказавшийся после разведки от своего прежнего оптимистического взгляда, находит, все же, желательной дальнейшую разведку. Я склоняюсь больше к мнению Бушtedта... Поэтому остаиваюсь только на Тельбесской группе месторождений...

[Эти] месторождения магнитного железняка находятся к югу от Кузнецка в системе рек Тельбес и Мандыбаш. Главное из них, наиболее разведанное в прежнее время и разведываемое сейчас, собственно Тельбесское. Менее разведанное – месторождение Одра-Баш <...> Еще менее разведано месторождение Темир-Тау <...> Оно отличается содержанием в руде хлорита... Наконец, совсем не разведаны <...> месторождения на реке Сухаринке (приток Мандыбаша), на реке Алгаин – около восьми верст на северо-восток от Сухаринки, на реке Младшая Таянза – около пяти верст от Алгаинского, на реке Полгашты (левый приток реки Каз, впадающей в Тельбес) – около 6 верст к востоку от месторождения Темир-Тау».

К этому времени был открыт прекрасный по качеству уголь в районе Калтана и Кандалепа, поэтому промышленный интерес к железорудным месторождениям Тельбеса возрос.

«Для исследования этого района я намеряю, – писал в программе на 1914 год П. П. Гудков. – 1. Поставить разведочные работы на Одра-Баше, Темир-Тау, Сухаринке, Алгаину и Младшей Таянзе, причем на Одра-Баше предполагаю задать несколько подземных выработок (шурфов), на Темир-Тау – поверхностные каналы, в остальных районах, прежде всего, – отыскание коренных выходов месторождений, а за-

тем – каналы. 2. Организовать магнитометрическую съемку на Темир-Тау, а в зависимости от результата и времени работы, также и на Сухаринке, Алгаине и Таянзе. 3. Произвести детальные геологические исследования на всей площади».

Магнитометрическая съёмка, проведённая экспедицией П. П. Гудкова, выявила на Темиртаусском месторождении четыре рудных тела.

В разведочных работах участвовал и геолог М. А. Усов. Экспедиция выявила в районе Тельбесского железорудного месторождения значительные залежи магнитного железняка в Темиртау и Одра-Баше. Причём из всех месторождений района Темиртау оказалось наиболее крупным по запасам руды, подсчитанным профессором Гудковым (к этому времени он уже стал профессором Томского ПИ), в количестве 15 миллионов тонн.

Позже, в 1924 году, известный геолог М. А. Усов, коллега и товарищ Гудкова, говоря об итогах тельбесских работ последнего, писал: «В общем и целом данные, опубликованные Гудковым, отвечают действительности <...> Можно согласиться, что в месторождениях района найдется верных запасов до 30 млн тонн руды, но нужно иметь в виду, что эти запасы разбросаны сравнительно небольшими массами в целом ряде довольно труднодоступных мест и что добыча руды обойдется, вероятно, достаточно дорого. Во всяком случае управление Кузбасстреста должно сохранить все материалы, которые были получены Копикузом при разведке Тельбесских месторождений и которые заключаются в массе отчетов о проходке канав, шурфов, шахт, штолен и буровых скважин о произведенных геологических исследованиях, о выполненных магнитометрических съемках, а также в ряде докладных записок, в частности, об экономических предпосылках развития кузнецкого металлургического дела. Все эти материалы имеют тем большую ценность, что железодельная промышленность Западной Сибири может быть основана лишь на магнетитовых рудах Тельбесского района за отсутствием в области других месторождений, достаточно солидных для снабжения рудой более или менее крупных заводов».

Надо добавить, что П. П. Гудков с 1914 года и до своего отъезда из Томска в Омск (1919 г.) беспрерывно руководил всеми поисковыми и разведочными работами в Кузбассе и Горной Шории.

178

В июле 1918 года он был назначен управляющим Министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства (Колчака), поэтому переехал в Омск. Используя свои возможности правительственного чиновника, он создаёт в 1918 году Сибирский геологический комитет и становится его первым директором. В состав Сибгеолкома вошли многие геологи Томска и других научных центров Сибири. Этой организации суждено было сыграть выдающуюся роль в изучении природных богатств Сибири. В конце 1919 года Гудков вошёл в состав Дальневосточного геологического комитета, состоял профессором Владивостокского политехнического института. В 1921 году П. П. Гудков уехал в США и там остался. В 1926 году он открыл свою консультационную контору в Лос-Анджелесе и стал ведущим геологом-нефтяником в Калифорнии. В 1927 году принял гражданство США, являлся членом ряда американских и зарубежных научных обществ и академий.

#### 4

Итак, «Копикуз» свою работу сделал. И сделал качественно. П. П. Гудков проводил исследования до конца 1916 года. Но и после Февральской революции «Копикуз» не свернул работу в Кузнецком крае. 22 апреля 1917 года на собрании акционеров общество слилось с Акционерным обществом Алтайского металлургического завода в единое Кузнецкое каменноугольное и металлургическое общество (с прежним кратким названием «Копикуз») с капиталом в 24 миллиона рублей. В том же году выросла добыча угля, продолжилось строительство коксовых батарей и химического завода в Кемерово, началось строительство металлургического завода в районе Кузнецка, для чего Временное правительство 21 мая 1917 года приняло решение о предоставлении «Копикузу» беспроцентного аванса.

Увы, этим грандиозным планам не суждено было реализоваться. В октябре 1917 года партия большевиков свергла Временное правительство России и захватила власть. В городе Кузнецке и его уезде советская власть была провозглашена 11 марта 1918 года. Но сразу укрепиться здесь большевикам не удалось. Алтайско-шорский националист Сарысеп Конзычаков, ратовавший за образование на юге Сибири национальной автономной республики Ойрот, перебрался в село Осинное (Осинни-

ки), где во время чехословацкого мятежа арестовал Совет рабочих депутатов Осинского рудника. С этого времени, можно считать, гражданская война охватила и Кузнецкий уезд, в том числе Горную Шорию. Зачатки Совдепа устранились повсюду, а вскоре власть в Сибири перешла к белому правительству адмирала Колчака.

В сложной обстановке гражданской войны строительная программа общества «Копикуз» всё же не была брошена, но становилась все менее реальной. Обществу не удалось добиться заметных успехов в строительстве металлургического завода. Он строился с 1917 года на Ашмаринской (Тушталепской или – искажённое – Шушталепской) площадке, поскольку испрашиваемую Горбуновскую площадку, где позже, в годы первой советской пятилетки, был всё же построен Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), заполучить не удалось.

22 декабря 1919 года Щегловск (Кемерово) был занят частями 35-й дивизии 5-й Красной армии. К приходу красных все шахты Кемеровского рудника были затоплены водой. 19 февраля 1920 года Урало-Сибирская комиссия ВСНХ издала постановление, согласно которому все угольные предприятия Западной Сибири со всем имуществом и капиталами, где бы они ни находились и в чём бы они ни состояли, объявлялись собственностью государства и передавались в подчинение Правления угольных копей Западной Сибири («Сибуголь»), имеющему местопребывание в Томске.

Естественно, в эти годы было не до геологических исследований. И лишь летом 1924 года, когда страна относительно успокоилась и советская власть устоялась, профессор Усов совершил научную исследовательскую экскурсию (его термин) по Кузбассу. Посетил он и Тельбесское месторождение магнетитового железняка. Тогда он и констатировал, о чём уже говорилось чуть выше, что «в общем и целом данные, опубликованные Гудковым, отвечают действительности».

Годом ранее, в 1923 году, на территории Горного Алтая была создана Ойротская автономная область, а в Горной Шории выделены два района: Кондомский и Кузнецкий. В июле 1925 года Кондомский район стал Горно-Шорским районом с центром сначала в улусе Мыски, а затем – в Кузедеево.

Развитие горнодобывающей и металлургической отраслей в Западной Сибири, в частно-

сти, в Кузбассе, не снималось с повестки дня. Для реализации этого масштабного проекта необходимо было создать сильное научное ядро, которое занималось бы проектной и исследовательской работой, опираясь в том числе и на материалы «Копикуза». В 1926 году с этой целью в Томском технологическом институте было создано научно-исследовательское учреждение под названием «Тельбесбюро». Возглавил его ректор ТТИ Николай Владимирович Гутовский. Его заместителем по горно-геологической части стал профессор Михаил Антонович Усов.

Инженерно-технические кадры для своих работ «Тельбесбюро» на первых порах укомплектовало за счёт профессорско-преподавательского состава, выпускников и студентов Томского технологического института.

Инженерно-технический состав геологоразведочных, геофизических, геодезических и других изыскательских партий во главе с М. А. Усовым выехал в город Кузнецк, а затем в Тельбес в июне 1926 года. Геолог Константин Филатов отправился со своим отрядом на Темиртауское месторождение. Профессор Усов с отрядом геолога В. И. Высоцкого остался в Тельбесе, но Усов посещал Темиртау, и не раз.

«Составление совершенно точной геологической карты выделенного района, которая явилась

бы достаточным основанием для суждения о действительной рудоносности отдельных участков района, невозможно вследствие сильной задернованности местности, представляющей глухую рассеченную тайгу, – писал в отчете М. А. Усов. – Поэтому для отысканий новых месторождений железной руды необходимо обратиться к другим методам исследования, именно к магнитометрической съемке, так как железные руды района представлены магнетитом». Нужно отметить, что ещё «Копикуз», проводя неполную и несовершенную магнитометрическую съёмку района, обнаружил ряд новых магнетитовых месторождений, частью изученных, затем – детально.

Среди разведанных ранее месторождений Тельбесского района заслуживают внимания лишь два: Темиртау и собственно Тельбесское, которые и были предположены для эксплуатации «Копикузом» и на которых поставлены проверочные работы «Тельбесбюро».

Выделяя в качестве заслуживающих внимания месторождения Темиртау и Тельбеса, профессор Усов между тем поначалу не видел в них особой перспективы. Его пессимизм передавался геологам, которые работали в районе без энтузиазма. Тем не менее работы шли, осенью того же 1926 года на месторождении Темиртау началось разведочное бурение.



Сотрудники «Тельбесбюро». Слева направо: И. А. Фомичев, профессор Б. И. Бокий, неизвестный, Н. В. Гутовский



Первый магнитометрист на месторождении Темиртау В. Ф. Турчинский у прибора

Запасы руды по Темиртау были утверждены 27 марта 1930 года и составили 12 972,5 тысячи тонн. В 1932 году разведочные работы были прекращены и месторождение Темиртау передало в эксплуатацию Горному управлению КМК.

Тельбесское месторождение также начали разбуривать осенью 1926 года. Студент-геолог Высоцкий пробурил со своим отрядом семь скважин, расчистил и опробовал старые поверхностные и подземные горные выработки. Запасы руды, подсчитанные П. П. Гудковым в количестве 6 475 тысяч тонн, уменьшились до 1 596 тысяч тонн. Профессор М. А. Усов пришёл к выводу, что «нет необходимости ставить на месторождении глубокое алмазное бурение». Позже геолог В. И. Высоцкий сделал предположение, что рудная залежь переходит под рекой Тельбес на левый берег, поэтому имеются основания предполагать возможность нахождения глубокозалегающих рудных тел. Как бы то ни было, а в 1932 году, вместе с Темиртау был пущен в эксплуатацию и Тельбесский рудник, имея подсчитанные запасы руды только в 1 596 тысяч тонн.

Тельбесское месторождение было полностью отработано в 1943 году, за 12 лет на нём было добыто 1 583 тысячи тонн руды. То есть геолог В. И. Высоцкий и его куратор профессор М. А. Усов не ошиблись и подсчёт запасов был до удивления точным. Правда, предположение Высоцкого о руде на левом берегу реки Тельбес так и осталось не раскрытым, к нему вернулись позже, но безуспешно.

Как начинался Таштагол, подробно описано в очерке Вениамина Бородина «Воспоминания первооткрывателя Таштагольского месторождения», где он делит пальму первенства между местным охотником Скворцовым, своим рабочим-магнитометристом Никанором Батовым и собой.

«...Приезд магнитосъёмщика из геологической партии с Кондомы оказался неожиданным, – пишет в очерке Вениамин Бородин. – Начальник этой партии Татьяна Вениаминовна Пятницкая кратко сообщала в письме, что местный охотник из Усть-Шалыма Скворцов показал ей в устье ключа Таштагол на её планшете много свалов магнетитовой руды. Просила приехать к ней в партию на Спасский прииск».

Здесь надо добавить, что партия Бородина занималась поисками марганца в долине реки Антроп (левый приток р. Кондомы) и была ближайшей к Таштаголу.

«Отремонтировав магнитометр, привезённый магнитосъёмщиком Таниной партии, на следующий день мы выехали с Антропа на Спасский прииск, – продолжает Бородин. – Затем заехали на Усть-Шалым за Скворцовым, и втроём отправились на ключ Таштагол.

Уже на устье ключика, впадающего слева в реку Кондому, мы встретили много магнетитового галечника. Забыв обо всём, мы шлёпали по воде и... свалам магнетита. Чувство громадного удовлетворения наполняло нас. Нам с Таней казалось, что дело уже сделано, а Скворцов был доволен, что тяжёлые камни в ключике, которые он видел много раз, могут доставить столько радости.

Излазив ключик по камням, завалам и зарослям, мы вернулись к оставленным лошадям. Изрядно уставшие, мы сели у воды отдыхать и, немного успокоившись после пережитых волнений, задумались. Мы смотрели на свалы на берегу и в устье ключика, и это было всё, что мы, все трое, знали в тот момент о таштагольской руде.

Свалы изрядно окатаны, откуда они попали в ключик? Где месторождение и какое оно?

Что-то надо было делать. Только с магнитометром здесь, в глухой, закрытой тайге, можно быстро выйти к месторождению. Решили, что я пошлю в помощь её магнитосъёмщику своего, с хорошим прибором, и они вдвоём начнут маршрутные поиски.

После некоторого раздумья я остановил свой выбор на Нике Батове. Он был очень расторопным и больше других подходил к жизни у костра. Если бы ещё он был постарше! Но другого не было».

Некоторое время молодой магнитометрист Никанор (Ника) Батов работал на Таштаголе в паре с таким же мальчишкой из партии Пятницкой. У Бородина, как он пишет, с каждым днём нарастала тревога за ребят: как они там одни в дикой тайге?

«На Таштагол к ребятам мы приехали с Таней близко к полудню. Два «индейца» (геофизиками назвать их было бы, пожалуй, не точно), испачканные копотью от костра, вроде даже не умытые, жарили на костре рябчиков, как это было установлено дополнительными вопросами – только ещё к завтраку. Под пихтой – примятый лапник, прикрытый сверху мохом. Спальных мешков мы тогда не имели, а палаток было ничтожное количество.

Близко к костру стояли, наевшиеся за ночь, две спутанные лошади, справедливо считав-

157

шие, что немного овса после малопитательной таёжной травы было бы кстати. Я сразу почувствовал Нику, зная, что любой ценой, из любых неприкосновенных запасов у конюхов он достанет для своей лошади овса. Знали это и лошади.

Серьёзный разговор был отложен – не принято было у нас во время таёжной еды основательно говорить о делах. Да и ко всей обстановке их быта и работы нельзя было относиться без юмора. Все это походило на игру. Перед нами были ещё мальчишки, а до открытия ими Таштагольского месторождения оставалось два дня. Всего только два дня!

Только сейчас, через многие годы, когда есть месторождение с запасами, приближающимися к полумиллиарду тонн, есть железная дорога к современному руднику-городу, только сейчас, когда мы вспоминаем, что в тяжёлый военный 1941 год с месторождения ушли на завод первые эшелоны с рудой, хочется как-то иначе, по особому осмыслить эти два дня и этих двух мальчишек.

А тогда после предложенного нам завтрака из жареных рябчиков состоялось нечто вроде технического совещания.

Своё сообщение они начали с того, что работали с одним прибором, второй магнитометр магнитосъёмщика Таниной партии окончательно вышел из строя. Маршруты делали вдоль ключика, боясь уходить далеко от свалов в русле, лучевых маршрутов на водоразделы ещё не делали. Не было и аномалий, которые привлекали бы внимание.

Техническое совещание было закончено тем, что молодым геофизикам был устроен хороший разнос. Перед отъездом для них была составлена схема с маршрутами, привязанными к ключику, на которых они должны были работать.

А мы с Таней должны были вернуться в свои партии, где нас ждала работа и наши молодые, неопытные помощники.

Но большие события были уже на пороге...

Через два дня после нашего отъезда с Таштагола Ника наткнулся на горе на сильнейшую аномалию.

Всю ночь с этим известием ехал Ника на Антроп.

<...> В первый момент, плохо слушая друг друга, мы говорили одновременно. Ника: «На горе аномалия, стрелка крутится». Я: «Где аномалия – на левом или правом водоразделе, сколько до неё от ключа?»

Расстояние до аномалии он определил в полтора-два километра. В нескольких местах останавливался он с магнитометром. Магнитная стрелка, по его словам, крутилась как бешеная.

Немного успокоившись, мы сели за стол, и на бумаге появилось очень приблизительное положение ключика и их стоянки. Никаких карт по району Таштагола не было. Нарисованная схема была весьма условной. Да и трудно было изобразить на бумаге ключик, проехав по нему всего один раз от стоянки ребят до его впадения в Кондому. Вернее, даже не проехав, а продираясь через его чащобу с лошадьёю на поводу.

Где аномалия? Ника весьма легкомысленно ткнул куда-то пальцем в бумагу. Вспоминая тот давнишний разговор, даже сейчас я ощущаю какую-то неловкость: так «бестактно» было тыкать пальцем... в будущее Таштагольское месторождение.

Когда Ника показал результаты наблюдений магнитного поля, полученные на месте аномалии, не оставалось никаких сомнений, что он наткнулся на магнитную руду. Интенсивнейшая аномалия убедительно говорила, что она обязана своим существованием близко расположенным к поверхности магнетитовым рудам».

Так был открыт Таштагол. Далее за дело принялись геологи.

Об открытии Шерегеша Т. А. Никольская написала в своём очерке «Открытие Шерегеша, 1931 г.».

«... Подошёл к нам мужчина, шорец, – пишет она. – Не помню, как вёлся разговор, я сидела несколько поодаль и, возможно, не слышала. Всё же свелось к тому, что возымели действие наши беседы с населением о том, что мы ищем руду, выглядит она так-то... Нет ли среди вас видевших такие камни?»

– Я знаю, где есть руда, – сказал пришедший.

Это был Шерегешев. На следующий день он повёл геолога Георгия Павловича Болгова и студента-геолога Валентина на местонахождения руды. Да, это была руда. Магнетитовая руда с высоким содержанием железа.

После этого, на следующий день, Г. П. повёл туда рабочих, чтобы произвести небольшие расчистки. Ходили, ходили, но места этого не нашли. Пришлось искать Шерегешева, просить, чтобы ещё раз сводил нас туда.

Ещё раз сводил он нас, задали расчистки, пробили одну, другую канавы. Везде руда!

Полетели телеграммы: «Есть месторождение!»

А вечером, сидя у костра, Г. П. задумчиво сказал:

– А как же мы месторождение назовём?

Не помню, были ли предложения, но почти тут же он добавил:

– Пожалуй, Шерегешевское. Да, Шерегешевское!

Вот и появился вскоре на крупномасштабных картах новый кругляшочек и надпись: «Шерегешев».

А отряд наш был таков: Болгов Георгий Петрович – аспирант кафедры минералогии, Андрианов Валентин – студент 5-го курса Томского индустриального института, Никольская Татьяна – студентка 1-го курса того же института, Нюра – студентка геологоразведочного техникума, Ибрагим – магнитометрист, Андрей и Фёдор – рабочие, местные жители.

Мы ещё были в поле, когда Шерегешеву выдали премию за находку месторождения. Не помню сколько, но получил он приличную сумму деньгами и ещё не то ружье, не то сапоги.

Видимо, эта премия произвела большое впечатление на шорцев, и через несколько дней к нашим палаткам снова пришёл один из них.

– Идём, покажу. Знаю, где есть руда!

Пошли. Стоит кустик, под ним травка, примятая насыпанной рудой. Просчитался дяденька. И никак не мог понять, почему мы не признаём его руду. Так хотелось получить премию».

Что было дальше после открытия – можно прочесть в очерке Якова Тунина «Как изучали Горную Шорию». Он сообщал:

«Появление многочисленных отрядов геологов почти на всей территории Горной Шории вызвало большой интерес среди местного населения, к геологам стали поступать различные сведения о находках рудных минералов. Так, местные жители А. Шерегешев, П. В. Скворцов указали места обильных свалов, по которым были открыты Таштагольское, Шерегешевское, Шалымское, а позднее и Кочуринское месторождения железных руд.

К сентябрю 1931 года на всех месторождениях Кондомской группы были организованы разведочные партии, стянутые с других, малоперспективных участков. Начальниками разведочных партий назначались опытные партийцы из рабочих, а техническими руководителями – геологи.

...Главный разворот геолого-поисковых и разведочных работ был в 1931–1932 годах. В остальное время, примерно до 1939 года, в Горной Шории появлялись лишь отдельные небольшие геологические партии по линии Западно-Сибирского геологического управления».

В конце лета 1893 года геолог В. А. Бушtedт, первооткрыватель Темиртау и Одра-Баша, принял поисковый маршрут по реке Тельбес и её притокам. В районе речки Каз он обнаружил признаки железной руды, изучить которые тогда не успел.

Бушtedт вернулся туда в 1895 году, затем в 1897-м и подтвердил наличие железной руды. Таким образом, именно он является первооткрывателем ещё и Казского месторождения железной руды.

Прошло много лет, Казом не интересовались. И только в 1930 году на речку Каз прибыла магнитометрическая партия И. И. Лапинского, которая обнаружила здесь активную магнитную аномалию. После этого началось геологическое изучение Казского месторождения. Тогда же, в 1930–1931 годах, были обнаружены все известные в настоящее время месторождения Казского рудного поля, за исключением Леспромхозного, открытого в 1955 году. Через десять лет, в 1965 году, открыто месторождение Центральные штоки.

Поверхностные разведочные работы на Казском месторождении велись в 1939–1943 годах. Небольшие размеры выявленных запасов магнетитовых руд и неясность вопроса о перспективах месторождений привели к прекращению работ на Казе в 1943 году.

Широкий размах геологоразведочные и специальные научно-исследовательские работы в Казском районе получили с 1950 года, когда была организована Казская геологоразведочная экспедиция. В 1952–1954 годах для всего Казского района геологом В. И. Синяковым была составлена геологическая карта в масштабе 1:10 000, неоднократно подвергавшаяся позднее уточнению и детализации. В 1955 году в рудном поле было открыто Леспромхозное месторождение, которое детально изучалось В. И. Синяковым совместно с Н. М. Синяковой и М. Ф. Захарчук (1957–1962 гг.). В 1965 году в непосредственной близости от месторождения Штоки было обнаружено новое оригинальное магнетитовое месторождение, получившее название «Центральные штоки» (Л. Г. Горбачёв, А. Н. Цветкова). В 1958 году на-

153

чалось строительство Казского рудника. Его эксплуатация началась в 1961 году.

Тазское железорудное месторождение расположено в 27 километрах к востоку от Казского месторождения, в бассейне реки Малый Таз. Состоит из шести рудных участков: Пыхтун, Мостокол, Новомостокол, Водораздельный, Жжем-Жес, Бараки. Наиболее крупным является Пыхтунский участок, в котором сосредоточено 80 процентов запасов всего Тазского месторождения.

Первые признаки железных руд в Тазском районе были установлены в 1931–1932 годах геологом А. Д. Скрипиным – начальником Южно-Тельбесской геолого-поисковой партии Западно-Сибирского геологоразведочного треста.

### ГЛАВА 3. ГОРНОШОРСКИЕ РУДНИКИ НАЧИНАЮТ ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ

#### ТЕЛЬБЕС

Сегодня мало кто знает, что Кузнецкий металлургический завод при проектировании носил другое название – Тельбесский металлургический завод. Это связано с тем, что под этот завод рудной базой планировалась Тельбесская группа месторождений: Тельбес, Одра-Баш, Сухаринка, Учунен и Темиртау. Тогда ещё не были открыты ни Каз, ни Таштагол, ни Шерегеш, ни другие месторождения, уповали лишь на Тельбесскую группу и на железные руды Урала. Когда под будущий Тельбесский металлургический завод выбрали Горбуновскую площадку на левом берегу Томи, напротив города Кузнецка, то в 1928 году был создан «Тельбесстрой», а в жилом посёлке строителей завода Верхней колонии главной улицей была Тельбесская. Там же располагался сад Металлургов.

«Тельбесскую улицу строили с толком, – вспоминают жители. – По обе стороны молодой тополинаой аллеи вытягивались одно и двухэтажные дома. С каждой стороны между двумя домами предусматривали большой сарай, а в огородах хватало места для огородов. В сараях жители Тельбесской держали кур, кроликов, свиней, овец, гусей и коз. Вся эта живность органично вписывалась в городской пейзаж.

В самом конце улицы жил начальник техотдела Кузнецкого комбината Г. Е. Казарновский.

Во времена Кузнецкстроя на Тельбесской улице была сосредоточена городская жизнь. Позднее центром стал проспект Энтузиастов, затем проспект Металлургов и улица Кирова. За прошедшие десятилетия покосились и почернели деревянные дома на Тельбесской. Сад металлургов перекочевал в центр города, а там, где он был до войны, осталась та же самая берёзовая рощица».

Итак, всё начиналось с Тельбеса. Здесь речь и пойдёт о Тельбесском железорудном месторождении и Тельбесском руднике.

Проект Тельбесского рудника был разработан в 1930 году «Тельбесбюро». Но ещё раньше на территории Тельбесского рудника стали обосновываться геологи. Уже в 1929 году проектировщики приступили к выбору на местности площадки для рудообогатительной фабрики для всего Тельбесского района. Выбор свой они остановили на месте встречи трёх рек: Кондомы, Мундыбаша и Тельбеса. Так зарождался посёлок Мундыбаш.

Тогда же протрассировали будущую канатную подвесную рудовозную дорогу от Тельбеса в Мундыбаш. Проектировщики планировали отрабатывать Тельбес открытым способом и очень быстро. Капитального строительства это не требовало, обходились возведением бараков, желающие могли строить себе дома. Вскоре на будущий рудник стали прибывать строители. Заключённые Горношорлага (Темиртау) ударными темпами прокладывали железную дорогу через Мундыбаш до станции Ахпун. Вековая тайга оживала на глазах.

Рабочих горных специальностей вербовали на угольных коях Кузбасса, в разнорабочие принимали ссыльных, которые начали прибывать в Тельбес. В основном это были раскулаченные, проживавшие в Европейской части СССР, но находились среди них и сибиряки.

«В списке ссыльных в Тельбес – фамилия моей мамы Фоменко Марии Михайловны (в за-

757



Кузнецк, улица Орджоникидзе на Верхней колонии и Кузнецкий металлургический комбинат, 1936 г.

мужестве она Белорусова), – поделилась воспоминаниями бывшая жительница посёлка Тельбес Ольга Савельева. – Когда началась коллективизация, мамы родители жили в Алтайском крае, Вострихинского района, село Вострово. Отец её, Фоменко Михаил Яковлевич, уроженец Курской губернии, вместе с родителями переехал в Алтайский край, где было много земли, возделыванием которой они и занимались. В семье было три сына и родители, и все они жили вместе. Но когда родились дети, а их было немало, братья решили разделить и жить каждый своей семьёй. И это решение совпало с периодом коллективизации. В колхоз никто из них идти не хотел, поэтому их раскулачили и сослали: Аркадия с тремя детьми – в Междуреченск на сплав леса, Михаила – в Тельбес с тремя сыновьями: Степаном, которому было 19 лет, Василием, которому было 16 лет, и Кузьмой, которому было 13 лет. А ещё в семье была пятилетняя дочка Маруся. Парни как раз сгодились для работы в шахте на только что открываемом руднике. Старших и на фронт не взяли именно поэтому. А Кузьма воевал, был ранен в голову, из-за чего умер рано. Отца в 1938 году репрессировали, по справке НКВД он был расстрелян в Старокузнецкой тюрьме. А он ведь участник Гражданской войны, ранение получил и в свои 44 года был инвалидом поэтому. В 1957 году Фоменко Михайло был реабилитирован, о чём мама узнала только в 1991 году. Она долгие годы пыталась узнать правду о своём отце, многое пережила, будучи репрессированной как дочь «врага народа», так как вот этому больному человеку вменяли в вину «подготовку восстания против советской власти!» А потом ей прислали на её запросы справку, где стояло: «Извините!». Почти через 60 лет решили извиниться! Мама уже нет, но боль её осталась с нами, её детьми: каждый раз, когда я просматриваю архивные документы семьи, сердце моё сжимается от боли за то, что моим дедам и родителям пришлось пережить!»

А это другое свидетельство от Людмилы Соколовой: «Мои дед и бабушка были сосланы на Таз из села Кочки Новосибирской области, а туда они приехали, как мама говорила, «из Расеи», то ли во время Столыпинской реформы, когда землю давали, то ли от большевиков бежали, как многие, в Сибирь. Откуда приехали, не знаю».

Надежда Ярошенко (Яланская) представила целый список сосланных в Тельбес: «Ссылных в Тельбес: Кривенченко, Гринь, Щербань, Квитко, Улитенко, Криворучко, Ярошенко, Яновский, Онищенко, Твердохлеб, Пивень, Черная, Семиренко, Науменко, Фоменко, Вырвихвост, Клименко, Гуменных, Гладких, Шеховец (цов), Печенкин, Воропаев, Антонов». По фамилиям – это в основном украинцы.

В 1931 году рудник Тельбес был сдан в эксплуатацию, а в 1932 году его руда пошла по подвесной канатной дороге на Мундыбашскую аглофабрику.

Известно, что в 1936 году в Тельбесе проживало 1 827 жителей, в 1939-м – уже 2 988 человек.

«Тельбес в годы нашего детства – уютный, солнечный, действительно райский уголок, – вспоминает Галина Фоменко. – Река с большими камнями-голышами, на которых мы грелись, как маленькие ящерицы, родник у моста с вкусной-превкусной водой. А ещё – бабушка Фоменко Марина Трофимовна, которую все величали «бабка Фоменчиха» и которая никогда не давала в обиду своих внуков, всегда подкараулит с крапивоной обидчика. Она давала нам с двоюродным братом Толей Фоменко немного денег, которые надо было ещё заработать у неё чем-нибудь, и мы бежали к вожделенному ларьку на горе, чтобы что-нибудь там купить – чаще всего это была халва. А потом мы вместе с бабушкой пили чай! Детство – это семья дяди Фоменко Степана Михайловича и дом, самый последний на горе, но зато самый приветливый с его хозяйкой Фоменко Татьяной Николаевной, нашей любимой и доброй тётей Таней. Добрее её, казалось, не было человека на свете...»

Вспоминает Борис Онищенко:

«Я помню хлеб ржаной переувлажнённый с добавлением картофеля и отрубей. Продавали его по карточкам в магазине, находившемся в торцовой части тельбесской хлебопекарни. Продавцом был Асафьев. Пекарня (большой одноэтажный деревянный барак) стояла вблизи бани. Следующий магазин, около школы, состоял из двух отделов: промышленных и продовольственных товаров. По экономической целесообразности пекарню перенесли в Одра-Баш, хлеб в Тельбес доставляли оборудованными конскими повозками (телега, сани), в народе – возами. В периоды половодья через реку хлеб носили по мосту добровольцы (за право внеочередного получения хлеба). Из-за сложности преодоления

водной преграды магазин перенесли на левый берег под скалу и позже около него построили второй мост в посёлке. Следующий (наверное, последний) магазин построили на площадке между дворами Шевцовых и Печёнкиных. На этой же площадке была качеля для взрослых, остановка грузовика, оборудованного для перевозки людей. Магазин геологоразведочной партии работал на тельбесской станции канатной дороги. Во время лесосплава работал магазин на барже. В нём бывали дефицитные продукты. Счастливое детство запомнилось ночными дежурствами (Муку будут давать! Идёт вагон с кирзовыми сапогами!), дневными стояниями в очереди и находчивостью подростков. Изобрели два способа быстро оказаться у весов: по голове и между ног очередников.

...Я родился в Тельбесе, окончил семь классов, недолго работал на подвесной воздушной канатной дороге. Мой отец – спецпереселенец 1933 года, работал на рудниках Тельбес и Одра-Баш.

Родился я в ноябре 1940 года, свидетельство о рождении в посёлке Тельбес Кузнецкого района Новосибирской области подписано зав. бюро ЗАГС Анохиной. Бланк свидетельства на шорском и русском языках, Гознак, 1939».

Надежда Ярошенко (Яланская) вспоминает: «А ещё был мощный духовой оркестр, вечерами музыка гремела на весь посёлок. Уставших после работы, домашних дел, наших родителей как магнитом тянуло в клуб. Был драматический кружок, ставили спектакли по Шевченко, юмористические. Руководил им Науменко Семён. Музыкальное оформление – Криворучко Иван (на баяне). Наши ссыльные родители умели организовать досуг. Я уж не говорю о песнях. Пели все и пели красиво!»

В 1932 году наклонная шахта «Ударник» и карьер выдали на-гора первую тельбесскую руду нового (советского) времени. Была выпущена листовка «Советская Сибирь», в которой сообщалось: «Бригада Шантыча своё задание выполнила на 128 процентов, бригада сколотила из себя работоспособный коллектив, который дерётся за перевыполнение плана». 5 сентября 1932 года по подвесной дороге из Тельбеса в Мундыбаш пришла первая вагонетка с рудой.

Когда рудник Тельбес уже находился в стадии почти полной отработки, был составлен его паспорт, по которому можно судить, что собой представлял Тельбес вообще. Вот главные фрагменты паспорта:

«Рудник состоит из: 1. карьера; 2. канатной дороги; 3. вспомогательных устройств; 4. жилищно-бытового хозяйства».

Строительство рудника производил «Кузнецстрой», канатной дороги – «Канаттрансстрой».

В состав рудоуправления входят:

1. Горно-капитальные выработки:

а) Шахта «Ударник». Оборудована деревянным копром высотой 17 м с клетьевым подъемом (одноэтажн.).

б) Главное рудное тело разрабатывается открытым способом при посредстве 2 штолен длиной 118 м.

в) Шахта им. Кирова.

2. Жестко-подвижная на деревянных опорах – внутрирудничная канатная дорога, длиной 600 м, соединяющая бункера шахты им. Кирова.

3. Канатная дорога Тельбес – Мундыбаш протяжением 7 050 м в основном на деревянных опорах, рассчитанная на перевозку 300 000 тонн руды в год. Состояние дороги – удовлетворительное.

4. Компрессорно-силовая станция, выстроенная в 1929 г. <...>

8. Рубленое одноэтажное здание рудоуправления, выстроенное в 1931 г.

9. Жилых домов имеется 31 шт.»

Жизнь рудника Тельбес была недолгой, в 1943 году рудные запасы с промышленным содержанием железа иссякли. Всего Тельбесский рудник дал 1 583 миллиона тонн руды.

После закрытия Тельбесского рудника началась разработка железорудного месторождения Одра-Баш, где строился рабочий посёлок, но основной рабочей силой для нового рудника служили опытные горняки Тельбеса. Они продолжали жить в своём посёлке, так как до Одра-Баша было всего три километра (правда, в гору).

Ещё в 1941 году, когда часть рудного тела Тельбесского месторождения была «отработана» системой подэтажных штреков, а добыча переведена на нижележащий горизонт, возникло опасение, что мощная толща пород, перекрывающая выработанные камеры, может внезапно самообрушиться, причинить воздушной волной значительный ущерб и вызвать несчастные случаи. Во избежание этого было решено массовым взрывом обрушить потолочину, чтобы заполнить выработанное пространство. Кроме того, предусматривалось предварительно разрушить оставшиеся междукамерные целики, а затем вы-

156

пустить руду из-под налегающих пород. Чтобы при этом уменьшить разубоживание отбитой руды, было решено взорвать её на мелкие куски, а потолочную толщу – на крупные...»

Взрыв оправдал расчёты: потолочина обрушилась, на её месте зиял огромный провал глубиной 30 метров и более. Со временем он заполнился водой, и теперь на его месте находится известное туристам и любителям экстрима Тельбесское озеро.

Бывший житель посёлка Тельбес Борис Онищенко вспоминает:

«В моё время озеро связывали с фамилией ближайшего жителя – деда Перевалова. Говорили об озере «деда Перевалова» с большим уважением. Дед запускал мальков и подкармливал их (это аквариум, ведь борта каменные). Перевалов и два его сына занесли с реки Тельбес в рукотворное озеро лодку. Попытки запрета ловли рыбы в озере-шахте у деда Перевалова закончились поражением. Для рыбы это тоже был конец. Мы пацанами приходили на озеро за адреналином. Прыгнуть со скального борта высотой три метра, понимая, что под тобой тридцатиметровая толща воды, не просто. Это было самоутверждение. Семья деда Перевалова вела замкнутый образ жизни. У деда была на реке долблётка-лодка из цельного ствола дерева. Один из его сыновей нанёс себе огнестрельное ранение из охотничьего ружья. На этой долблётке семья сплавила раненого по большой воде реки в Мундыбаш и спасла ему жизнь».

Сегодня Тельбес – сугубо дачный посёлок. Но живут здесь и старожилы. Им остаётся только вспоминать былые годы расцвета рудника.

## ОДРА-БАШ

К добычным работам на Одра-Баше приступили в конце 1942 года. Причём приступили поспешно, так как в Кузнецком металлургическом комбинате в условиях войны начались перебои с поставками магнитогорской руды. Её пришлось заменять более бедной местной рудой, но одного Темиртау для этого не хватало. Тельбесская руда иссякла, поэтому было принято решение спешно достраивать и вводить в эксплуатацию Таштагольский и Одрабашский рудники.

На работу в Одра-Баш перевели основной инженерно-технический и рабочий персонал из Тельбеса. Они ходили пешком из своего посёлка. Затем начали строить в Одра-Баше собственный посёлок и привлекать специалистов

извне. К 1944 году рудник Одра-Баш уже выдавал на-гора плановое количество руды, добываемой открытым способом.

Руды Одрабашского месторождения, бедные по содержанию железа (28–30 процентов), по канатке отгружались на Мундыбашскую обогатительную фабрику.

Сразу же после окончания войны встал вопрос о подземной разработке Одрабашского месторождения, так как верхние горизонты в значительной мере были уже отработаны открытым способом. Нуждалась в реконструкции и Мундыбашская обогатительно-агломерационная фабрика. Это потребовало увеличения численности рабочих. Но не хватало жилья для привлечения вольнонаёмных кадров, в связи с чем решено было привлекать так называемый спецконтингент, труд которого активно использовался в экономике Кузбасского региона в предвоенные и военные годы. Одной из таких категорий спецконтингента в 1944–1945 годы стали репатрианты, принудительный труд которых был широко востребован хозорганами, особенно угольной, металлургической и горнодобывающей промышленности.

Государственный Комитет Оборона принял Постановление № 9871/с о направлении для работы на предприятиях Кузбасса военнослужащих Красной армии, освобождённых из плена, и репатриантов призывного возраста, пригодных к военной службе.

Все освобождённые и репатриированные военнослужащие, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны ещё в прифронтовых лагерях и направлялись для постоянной работы на промышленные предприятия и шахты.

Труд вновь поступающих рабочих предполагалось использовать исключительно на подземных работах, в первую очередь укомплектовав из них бригады забойщиков, навалоотбойщиков, проходчиков и крепильщиков. Из числа рабочих, имеющих электромеханические специальности, планировалось укомплектовать штаты машинистов, подземных электрослесарей и мотористов.

Весь контингент, содержащийся в проверочно-фильтрационных лагерях, весной 1945 года разделялся на три учётные группы. Первую составляли бывшие военнопленные. Вторая была представлена бывшими старостами, полицейскими, пособниками врага и другими лицами. В третью входило гражданское население призывного возраста, угнанное на работу в Германию.

157

Особая роль отводилась репатриантам на строительство горнорудных предприятий КМК. В соответствии с Приказом ГКО за № 216с от 21 августа 1945 года «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена, и репатриантов призывного возраста» на КМК направлялись 10 700 человек в составе нескольких рабочих батальонов. В конце 1945 года из проверочно-фильтрационных лагерей на КМК уже поступили 1 880 репатриантов. Значительная часть их была направлена на рудники.

По мере поступления 900 человек были направлены в трест «Сталинскпромстрой» и расселены в жилых помещениях, пригодных для проживания в зимних условиях на территории города Сталинска, 300 человек были направлены на строительство агломерационной фабрики и размещены в утеплённых палатках, 2 800 человек, прибывших в Таштагол, из-за отсутствия жилья разместили в утеплённых палатках.

В 1946 году все репатрианты, прошедшие проверку, стали обычными вольнонаёмными рабочими. По всем рудникам КМК с ними было заключено 1 348 договоров, в том числе: по Таштагольскому руднику – 348, по Темиртау – 239, по Мундыбашской аглофабрике – 123. По договорам репатриантам было выплачено денежных <sup>758</sup>ссуд на сумму 3 285 тысяч рублей, в том числе: по Таштагольскому руднику – 900 тысяч рублей, по Темиртау – 720 тысяч рублей, по Мундыбашской аглофабрике – 395 тысяч рублей, по Одрабашскому руднику – 255 тысяч рублей. Репатриантам, заключившим договора, было продано по ссудам 63 коровы и за наличный расчёт 42 коровы. Все остальные обязательства были также выполнены.

На бывших репатриантов распространили все льготы, которыми пользуются работники чёрной металлургии. Создавались и определённые условия для профессионального роста: организованы курсы повышения квалификации, многим была предоставлена работа согласно имевшейся профессии.

К концу 1940-х годов Одрабашское месторождение было наполовину выработано, поэтому нужен был дальнейший фронт работ. В этой связи в 1950 году была организована Тельбеская геологоразведочная экспедиция.

О той критической поре правдиво и красочно рассказано в художественной повести И. Махновского «Дни, когда нужна победа»:

«Одра-баш – старый, почти уже отработанный рудник, живущий последними жалкими крохами руды, судорожно агонизирующий от железного голода, идущий на любые ухищрения ради продления своей жизни. Двухэтажный деревянный дом, занесённый снегом. И две тропы, прорубленные в снегу, два входа: первый – в детские ясли, второй – в контору бурразведки, в прокуренное святилище поисково-съёмочной партии. Ещё темно, и снег совсем синий – какая-то прозрачная холодная мгла разлита вокруг; и крыши домов, и дорога, и там, вдали, сросшиеся с небом горы – всё в ожидании расвета.

Обшарпанный коридор, забитый ящиками с образцами и керном. Огромные комнаты, забитые столами, шкафами и стеллажами с полевыми дневниками, картами, схемами...

Светало. Нетронутый снег и чистое далёкое небо были как бы двумя мирами. На небе атели расветные брызги, а за окном на снегу и на горах лежали длинные ветвистые тени. Дощатые постройки, сараи, дальше – изрытая бульдозерами дорога вверх, в горы, и мощная грязно-белая стена карьера. И снег, снег.

– Кандома! Кандома! Я – Одра-баш! Одра-баш! Приём! – склонившись над рацией, прижав микрофон трубки вплотную ко рту, безумствовал Спейт. Полуцыган, полунемец, худой и тонкий, замначальника участка был голосист – что-то металлически-жесткое и тонкое прорезалось всегда в его захлёбывающемся птичьим клёкоте. – Ничего хорошего. Идём по пустой породе. Идём по пустой породе! Первая – двенадцать метров, авария... Третья скважина – триста двадцать семь. Дальше. Прошу оставить два водяных манометра для Одрабашского участка. Как понял? Приём! По пустой породе! Идём по пустой породе...»

В это время до горизонта 460 метров месторождение было отработано, началась отработка горизонта 460–408 м, по сути дела, последнего промышленного горизонта, что при имевшихся оставшихся запасах в 3,7 миллиона тонн и производительности рудника 300 тысяч тонн в год определяло работу его в 8–10 лет. С целью выявления дальнейшей перспективности Одрабашского месторождения в 1953 году Западно-Сибирским геологоразведочным трестом была организована Одрабашская геологоразведочная партия и был составлен проект геологоразведочных работ по дальнейшей доразведке Одра-

башского месторождения. Партия работала под руководством начальника Н. И. Ретинского и геолога Н. А. Ретинской.

О геологах Ретинских и жизни в Одра-Баше вспоминает Татьяна Ефименко, дочь Ретинских: «Вспоминать наше детство помогают фото и люди. Я жила в Одра-Баше совсем немного, но фото много, папа любил фотографировать. Мы – Ретинские, папа и мама были геологами, две сестры – Галя и Таня, а ещё с нами жила бабушка. У нас на крыльце зимой всегда висела рябина, а ещё была бочка с калиной, я туда однажды улетила. А ещё есть фото сада, я его даже немного помню, помню качели и тележку с газированной водой».

Рудник Одра-Баш работал до 1965 года и за время своего существования отгрузил на КМК 4,2 миллиона тонн руды. Основной причиной консервации рудника Одра-Баш явилась отработка промышленных запасов руды, её высокая себестоимость и низкое качество.

### **ТЕМИРТАУ, СУХАРИНКА, КЕДРОВКА, УЧУЛЕН**

Железорудное месторождение Темиртау состояло из нескольких участков: собственно Темиртау, Верхний Учулён, Большая Гора, Полгашты, Шор-Шолбан, магнитная аномалия Каш-Тау. Все они были сконцентрированы в основном в верховьях реки Учулён (бассейн р. Мундыбаш) и частично – Полгашты (Золотушки, бассейн р. Тельбес). Месторождение Темиртау ныне отработано.

Эксплуатационные работы на месторождении начались в 1932 году. Тогда на северном склоне горы Темиртау были заложены две штольни – Верхняя на горизонте 500 метров и Капитальная длиной 440 метров на горизонте 442 метра.

Надо отметить, что с момента начала работы рудника Темиртау и до конца 1934 года более или менее систематической нормальной геологической документации не велось. Весь зарисованный материал, результаты химических анализов и кое-какие геологические построения находились в плохом состоянии и не могли являться официальными документами. Такое положение было обусловлено отсутствием грамотных геологов. Все геологические работы поручались малоопытным коллекторам, а иногда даже малограмотным рабочим.

Наконец, в октябре 1934 года в качестве рудничного геолога в Темиртау прибыл В. Ф. Протопопов, под руководством которого

началась систематизация материалов, закончившаяся 1 апреля 1936 года в связи с отъездом Протопопова.

В 1937–1939 годах Горным управлением КМК было дополнительно пробурено 27 подземных скважин. В это время на месторождении выделялись три рудных тела: Западное, Северное и Восточное. Обособленно от них находилось четвёртое – Малый Темиртау, находящееся на южном склоне Темиртауской горы, в 350 метрах к югу от Восточного рудного тела.

В 1941 году запасы руды по месторождению Темиртау были утверждены в количестве 18,610 миллиона тонн. Но сложность строения рудных тел и недостаточная их разведанность на глубину заставили продолжать разведочные работы и после утверждения запасов.

С 1940 по 1942 год бурение производилось Горным управлением КМК. В апреле 1942 года оно было передано организованной Комплексной геологоразведочной партии Главгеологии Наркомата чёрной металлургии, преобразованной в 1944 году в Западно-Сибирский геологоразведочный трест. До 1942 года геологическими работами вновь руководил инженер-геолог В. Ф. Протопопов, с 1942 по 1944 год – инженер-геолог В. Н. Шульгин, а с 1944 года – инженер-геолог К. Н. Щепенко.

В 1945 году геологоразведочные работы на месторождении Темиртау были закончены, и Темиртауская разведочная партия в 1946 году ликвидирована. Геологией месторождения теперь занимались исключительно рудничные геологи.

В 1951 году геологи взялись за Сухаринку. Сюда перевели Тельбесскую геологоразведочную экспедицию, которая базировалась в Тельбесе и Одра-Баше. Как вспоминал тогдашний главный инженер Тельбесской экспедиции В. А. Гарнец, «перемещать большой коллектив в тайгу, на пустое место, где даже ровной площадки под посёлок нет, чрезвычайно трудно».

Да, на пустое место не переедешь. Поэтому в первую очередь требовалось построить жильё для персонала экспедиции. Но, как это обычно и делалось в те годы, переехали всё же в голое поле, если можно так назвать дикую тайгу.

Продолжим цитировать В. А. Гарнеца: «Никакой надежды не было на то, что экспедиция сумеет для всех построить жильё. Эта трудность усугублялась ещё и тем, что в эту местность железная дорога не принимала поставки строи-

159

тельного леса, а здесь почти не было хвойных деревьев, росли только осина и берёза.

[Нашего руководителя] И. Т. Заикина перевели в это время начальником Казской экспедиции. Затем в управлении появилась идея объединить Казскую и Тельбесскую экспедиции, сделав для них базу на руднике Темир-Тау. Но это не решало ни одну из проблем, кроме той, что в Казской появится главный инженер, а в Тельбесской – начальник. С нашими доводами согласились. Я предложил на должность начальника выдвинуть И. П. Дудяца. На второй день после разговора он уже вступил в эту должность.

Началось переселение [из Тельбеса]. Вся Сухаринская гора уставилась палатками, между которыми бегали детишки. Жил в палатке и я. Ко всем трудящимся обратились с призывом: «В нерабочее время каждому для себя строить типовой одноквартирный дом». Экспедиция в своей лесосеке разрешала рубить лес, помогала транспортом, распиловкой его на пилораме, а строительство оплачивала по существующим расценкам. Ни один выходной не обходился без воскресника по заготовке леса для строительства производственных зданий. За год заготавливалось до 3,5 тысячи кубометров».

В пределах рудного поля было выявлено и разведывалось 12 участков (с востока на запад): Северный Артыш-Таг, Южный Артыш-Таг, Правосухаринский, Левосухаринский, Кедровские II и III, Западный, Самарские II, III, IV, V, VI. Общая протяжённость рудной зоны месторождения – восемь километров. Руды месторождения комплексные, содержат благородные и цветные металлы (золото, серебро, платину, цинк, свинец, медь).

В июле 1959 года на рудник Темиртау приехал выпускник Томского политехнического института молодой геолог Михаил Петченко. Но еще до этого, в 1956 году, он проходил здесь практику, ему понравилось, и он решил, что работать будет только в Темиртау.

«Сам я из Анадыря, – рассказывает о себе Михаил Серафимович Петченко. – Мой отец был каюром – погонщиком собак на нартах, позже о нём писали в газетах как о последнем каюре Чукотки. Горношорская природа привлекла возможностью охотиться, рыбачить – я с детства это умею и люблю. Поэтому защитил дипломный проект «Разведка глубоких горизонтов месторождения Темиртау» и вернулся сюда уже дипломированным специалистом. Все инженеры у

нас на руднике в то время были «томичами» – выпускниками Томского политеха. Томская школа горняков славилась по Сибири».

Горношорский журналист Ольга Щукина, родившаяся и выросшая в Темиртау, в декабре 2017 года опубликовала в газете «Кузбасс» статью о М. С. Петченко. Вот выдержки из неё:

«Ветеран труда Михаил Петченко из 83 лет жизни без малого 60 отдал работе на Темиртауском руднике, который в этом году отпраздновал 85-летие.

Он почётный гражданин Таштагольского района, отмечен многими наградами, но самые значимые для него – это знак «Шахтёрская слава» всех трёх степеней, знак «Отличник разведки недр» и медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса».

Михаил Петченко знает практически всё о запасах полезных ископаемых в окрестностях Темиртау. В июле 1959 года его пригласили на рудник геологом, через год назначили старшим геологом шахты, а в 1961-м – главным геологом рудника. В этой должности он и оставался вплоть до выхода на пенсию 31 декабря 2015 года.

– Приступил к обязанностям 25-летним молодым человеком, а ушёл с предприятия в 81 год, отработав на руднике 57 с половиной лет, – говорит он.

И уточняет, что это вовсе не рекорд рудника по стажу работы. Был такой Григорий Прокопьевич Шабанов, возглавлял лабораторию по измерительным приборам. Очень порядочный человек, а главное – хороший специалист. Так вот он проработал на руднике 59 лет.

Михаил Серафимович – один из немногих ныне здравствующих старожилов рудника Темиртау. Жизнь предприятия в течение почти шести десятилетий протекала на его глазах и при его непосредственном участии. Самое интересное и значимое, с его точки зрения, Петченко заносил в специальную записную книжечку: фамилии, цифры, любопытные факты:

– В 1916 году по месторождению Темиртау были утверждены запасы 15 миллионов тонн. В 1928 году геолог Усов подтвердил 13 миллионов 696 тысяч тонн. Последний подсчёт делали геологоразведчики А. Д. Подончук и А. С. Субботин в 1956 году – в недрах всё ещё оставалось 17 миллионов 532,9 тысячи тонн. Если учесть, что к этому моменту уже добыто было 13 миллионов 911 тысяч тонн, то получается, что запасы в целом по Темиру составляли лишь 31 миллион

160

443,9 тысячи тонн руды. А мы за счёт эксплуатационной разведки добыли на 17 с половиной миллионов тонн больше, чем по подсчётам геологов оставалось в недрах. Ровно в два раза! И если приплюсовать сюда добытое открытым способом, то получается, что всего с 1932 по 2007 год Темирским рудником было добыто 58 миллионов 431,7 тысячи тонн железной руды!

Рекордная годовая добыча, по словам Михаила Серафимовича, была зафиксирована на уровне 1 миллион 730 тысяч тонн.

Правда, констатирует ветеран, нынешний Темиртауский рудник уже довольно давно не железорудное предприятие и живёт сейчас за счёт доломита и строительного щебня. Старый геолог сокрушается, что найденные здесь известняки, как и чёрный мрамор, пока не востребованы, хотя одно время Темир славился своим подольным камнем:

– С конца 1970-х годов мы начали развивать камнерезное производство. Мною было разведано месторождение чёрного мрамора Пелагеев Лог, 1 миллион 150 тысяч тонн запасов. Построили камнерезный цех, приобрели шлифоваль-

ные машины. Потом вдруг смена экономического строя, реструктуризация рудника... Работа заглохла, нас лишили лицензии, теперь это ответственность частного предприятия, – с сожалением замечает Михаил Серафимович. И добавляет: – А за Пелагеев Лог я, кстати, получил свидетельство первооткрывателя. На известковый карьер и по месторождению глины для цемзавода тоже отправлял документы в Москву на первооткрывательство, но ответ был: запасы мизерные, не стоит, мол, того. А мне и не надо никакого вознаграждения, дело престижа – что не зря тут сидел, не зря Шорию топтал.

Михаил Серафимович уверен: если бы был шанс начать всё сначала, он опять бы избрал судьбу геолога!

– Всю трудовую жизнь отдал Горной Шории и не жалею ни грамма. Это такой чудесный край! Тем более сейчас – вон как Таштагол благоустраивается! Приезжаешь каждый раз и не узнаёшь его. Я однажды даже заблудился, когда зашёл в новый микрорайон. Прекрасный город, надо отдать должное его руководству».

*г. Петропавловск-Камчатский*

